

О языке

Что такое язык?

Основные представления русских философов и лингвистов в период

(середина 18 и конец 19 века) о языке

0. Определения языка.

- Язык есть "способность выражать понятия членораздельными звуками" (Рижский).
- Разум - это способность мыслить. Мышление - действие разума. Суждение - плод мышления. Способность выражать суждение сочетаниями звуков, или мышление вслух называется языком (Белинский).
- Язык - "надежнейшее учение об историческом развитии духа человеческого"(Давыдов).
- Язык есть плод мышления, но не логического, не сознательного мышления (Тулов).
- Язык есть знак мысли (Тулов).

1. О происхождении языка.

- (см. Греч).
- "Первое сознание состояло из полной мысли, и первое слово было *целое предложение*"(Давыдов).

2. Связь языка и мышления.

- Новая мысль облекается в старые слова как уже готовые наименования (Радищев).

В разные исторические периоды одно и то же слово обозначает разные, или существенно различающиеся друг от друга мысли (Радищев).

Всякий раз в слова вкладывалось разное мыслительное содержание (Радищев).

Мысли также не новы, как и слова. Они повторяются из поколения в

Поколение, ср.: "(Люди) говорят говоренное, мыслят в мысли

другого"(Радищев).

- "Слова суть знаки наших мыслей" (Рижский).
- Одни и те же слова не могут использоваться разными людьми "для означения одинаковых мыслей". (=Для обозначения одного и того же понятия используются разные слова) (Якоб).
- Одна и та же вещь может обозначаться разными словами, поскольку она "может иметь различные признаки", т.е. может соотноситься с различными понятиями (Якоб).
- "Мысль, выраженная словом, получает определенный вид". Понятия, выраженные словом, - это "предметы умственного созерцания"(Давыдов).
- Слова - "названия общих представлений или понятий"(Буслаев).

- "Одно и то же слово может выражать представления о различных предметах", поскольку понятие, с которым оно соотносится, является "общим" , "отвлеченным" (Буслаев).

2.1. О различиях мыслительных и языковых категорий.

- Не все мыслительные и языковые категории являются аналогичными. "В мышлении есть много важных категорий", которых нет в языке, и наоборот (Тулов).
- Строение языков следует связывать не с логическими отношениями понятий, а с представлениями этих понятийных отношений (= способами их представления в языке) (Тулов). (см. примеры типа Ехать в Америку.....).
- Язык отличается от мысли и имеет "свою собственную систему категорий и законов". "Строение языка зависит от склада ума народа, от силы его фантазии и чувства, а не от общих категорий и законов логики"(Тулов).

3.Функция языка\слова.

- Язык служит для сообщения своих понятий другим (людям).

С помощью языка сообщаются "идеи вещей и их деяний" (Ломоносов). (= Передача информации, знаний).

- Язык используется для "взаимного сообщения понятий"

(Орнатовский). (= Обмен информации. Коммуникативная функция).

- Слова как изначально чувственные знаки стали использоваться для обозначения абстрактных понятий (Рижский).
- Слово "утверждает" (=формирует, материализует) и сообщает мысль(Якоб).
- Язык используется для хранения и сообщения мыслей (Якоб).
- Произнесенное слово ассоциирует понятие о каком-нибудь предмете "Понятиям соответствуют слова" (Белинский).
- Слово - форма мысли (Белинский).
- Слово как средство выражает не готовую, законченную мысль. Слово - средство преобразования впечатлений и "создания новой мысли" (Потебня).(= Т.о.,слово это средство формирования мысли).
- Главная функция языка - видоизменение, преобразование мысли, а не выражение готовых идей (Потебня).

4. Роль языка в познании.

- Поскольку речь состоит только из имен, а не из вещей, человеческий разум познает не сами вещи , а лишь представления об этих вещах, которые именуются словами (Радищев).
- Свойства обозначаемой вещи должны отражаться в мысли. Слова "изображают" (репрезентируют)

мысль настолько, насколько они могут их выражать (Рижский).

- Прodelывая путь от языковых знаков к мыслям и от мысли к языковым знакам (словам), человек вскрывает существенные качества и свойства вещи (Рижский).
- Одна и та же вещь может соотноситься с множеством понятий (родовыми, видовыми, понятиями свойств и отношений)(Якоб).
- Основная функция мышления - это "раздельное представление признаков вещи" в виде частных представлений. Членя материальный мир, разум придает понятиям определенную форму. Слова призваны "означать" и сообщать эти понятия(Якоб).
- Определение языка как средства выражения и сообщения представлений и мыслей является односторонним. Наоборот, язык - это средство, с помощью которого человек "приобретает мысли" (=постигает смысл, приобретает знание, познает) (Буслаев).
- В формах языка зафиксированы сущностные характеристики вещей, или понятийные, мыслительные признаки, ср. нем. *Ding* образовано от *denken*, *Sache* от *sagen*.
- Предметом ("материей") мысли являются представления о предметах. Формой мысли являются представления о межпредметных отношениях. Все эти представления выражаются с помощью языковых знаков (Буслаев).

- "Словами охватывается не все содержание представлений, а лишь доля его, и во многих случаях эта доля - хотя и существенная - доля очень маленькая" (Чернышевский).
- Слово выражает не всю мысль, а только один ее признак (Потебня).

5.О характере связи слова с обозначаемым. Природа слова.

- Связь слова произвольна и случайна. "Нет существенного сопряжения между мыслию и словом"(Радищев).
- "Слово относится к мыслям, а не к самим предметам"(Давыдов).
- "Словом мы выражаем не предмет, а впечатление, произведенное оным на нашу душу" (Буслаев).
- Слова - "названия не предметов, а наших представлений о предметах"(Тулов).
- Слово - единство членораздельного звука и значения. Слово нельзя сводить к одной звуковой форме без значения. Однако, когда говорят, что слово имеет различные значения, это противоречит пониманию слова как единства формы и значения (Потебня). (Почему? - Потому что у слова всего лишь одно значение - главное, все остальные - это не значения, а интегративные семантико-понятийные комплексы).
- (Этимологизированное) значение может выступать как знак других значений, ср. слово верста состоит из трех элементов - "звука" и двух

значений - этимологического ("борозда") и главного ("мера длины") (Потебня).

- Значение (содержание) слова отличается от понятия. Оно не эквивалентно ему. Значение предшествует понятию. Значение слова уже сформировалось, когда мы пытаемся с помощью слова обозначить какое-то новое понятие (Потебня).

6. О разноречивых понятиях и разноречивых словах.

- Понятия разных народов об одной и той же вещи различаются по
точности, обширности, по распространенности (Рижский).
- Разноречивые слова, выражающие одну и ту же мысль, могут иметь разные "значения словесной формы" (+ номинационные, этимологические значения) (Буслаев).
- Разноречивые слова указывают на одни и те же предметы и отношения, но указывают "различными чертами и признаками" (= обозначают один и тот же предмет, но называют разные его стороны). Это зависит "от национального воззрения на предметы и отношения", "от национального мирозерцания", ср. человек в латинском - homo, humus = земной, бренный, в греческом - "прямоходящий", в немецком - "мыслящий" (Mann от meinen - мнить, думать)(Тулов).

7. О значении слова.

- Слово приобретает определенность своего значения только будучи связанным с другими

словами в речи. В позиции управляющего, управляемого или "сверстнутого" (согласованного) сопряжения с другими словами, слово обозначает и выражает понятие более определенно (Тимковский).

- Значение слова в речи расширяется. Слово приобретает смысл, которого у него не было в языке.
- Ближайшее значение слова - это формальное, бытовое, "народное" значение. Дальнейшее значение - это содержательное, научное, энциклопедическое значение (Потебня).
- Благодаря "пустоте" ближайшего значения слово выступает как "форма мысли" (Потебня).

8. О развитии языка.

- В процессе этимологизации "живое значение слова" утрачивается, впечатление, связанное с первоначальным его содержанием, забывается. Слово обозначает в этом случае лишь "одно отвлеченное понятие" (Буслаев).
- "Потеря чувственной, живучей силы языка есть не что иное, как преобладание мысли над звуком и частным впечатлением" (Буслаев). (=Материальный звук становится идеальным - акустемой, частные признаки номинативного значения снимаются, значение достигает высшей степени абстракции. Это позволяет ускорить темп речи и не вдумываться всякий раз во все детали обозначаемого предметного понятийного содержания).
- "С течением времени язык становится пустым звуком...., условным знаком для выражения мысли". Язык становится более ясным для понимания, но

утрачивает "свежесть, изобразительность и воодушевление"(Буслаев).

- "С изменением представлений изменяется умственное содержание слов".
- Этимологический смысл слова со временем теряется, потому что слово долго служило "неизменным знаком различных понятий"(Тулов).
- "Слово есть только знак мысли, наме́к, пробуждающий ее внутреннюю деятельность" (Тулов).

9. Истоки концепции довербального мышления.

- С одной стороны, все действия мышления находят свое выражение в формах языка. С другой стороны, "мысль развивается в голове независимо от форм языка ". Это подтверждается тем, что говорящий часто испытывает затруднения " в приискании слов для выражения мысли" (Буслаев).

Определение языка

Евгений Николаевич Миллер

КРАТКИЙ ЭКСКУРС В ИСТОРИЮ

Язык с давних пор получал определения, которые можно с полным правом считать преднаучными. Уже в учении **Платона** четко выражен результат длительной систематизации знаний:

«Поток... звуков, идущих из души через уста, назван речью» (Платон 1970: 392).

Обобщенное суждение о слове находим у **Аристотеля**:

«Слова, выраженные звуками, суть символы представлений в душе, а письмена — символы слов» (1936: 60).

В сочинениях античных ученых ставятся вопросы происхождения языка, в частности, говорится о стихийном характере его возникновения:

«В древнее время... под воздействием ежедневного навыка (производить дыханием различные голоса) люди установили слова, какие пришлось, и затем, обозначая часто употребляемые вещи, начали, как это получилось самопроизвольно, говорить, и так создали между собой речь» (**Витрувий** 1936: 74).

Некоторые современные представления явно восходят к тем, которые были сформулированы еще во 2-м веке до нашей эры:

«Речь есть соединение слов, выражающих законченную мысль»

(**Дионисий Фракиец** 1936: 117).

Высокий уровень понимания той роли, которую язык играет в жизни человека, обнаруживается в Новое время. Основоположник эмпирико-материалистической теории познания **Джон Локк** писал:

«Слова — чувственные, знаки, необходимые для общения» (1985: 461);

«Речь — это важные узы, скрепляющие общество..., язык есть великий канал, по которому люди передают свои открытия, рассуждения и знания» (там же: 567, 569).

Более конкретно определил слова естественного языка выдающийся ученый той эпохи Г.-В. **Лейбниц**:

«Только человек способен пользоваться этими звуками, как знаками внутренних мыслей, чтобы таким образом они могли делаться известными другим (людям)... Язык служит человеку также для того, чтобы рассуждать наедине с самим собой» (3983: 275).

Слова определяются как отчетливые звуки речи, служащие для формирования мыслей, для образования внутренней речи, для передачи мыслей другим людям.

Еще более конкретное определение сформулировал М. В. **Ломоносов**:

«Блаженство рода человеческого коль много от слова зависит, всяк довольно усмотреть может. Собраться рассеянными народами в общежития, созидать грады, строить храмы и корабли... и другие нужные, союзных сил требующие дела производить, как бы возможно было, если бы они способа не имели сообщать свои мысли, друг другу?» (1952: 91).

Здесь не только отмечается огромная роль языка в жизни людей, но и определяется его функция передачи мыслей в процессе совместной деятельности. Четко и убедительно функция общения выражена в другом высказывании:

«Слово дано для того человеку, чтобы свои понятия сообщать другому. И так понимает он на свете и сообщает другому идеи вещей и их деяний» (там же: 406).

Детализированное определение языка - находим в работе В. фон **Гумбольдта**:

«Язык есть нечто постоянное и вместе с тем в каждый данный момент преходящее... Язык есть не продукт деятельности (Ergon), а деятельность (Energeia)... Язык представляет собой постоянно возобновляющуюся работу духа, направленную на то, чтобы сделать артикулируемый звук пригодным для выражения мысли... В подлинном и действительном смысле под языком можно понимать только всю совокупность актов речевой деятельности... Каждый язык заключается в акте его реального порождения» (1984: 70).

Дана развернутая характеристика языка: его статики и динамики, активного характера, генерализирующего свойства, процесса эволюции и т. д.

В этих высказываниях ученых, разных по времени жизни и мировоззрению, прослеживаются тождественные тенденции: стремление кратко сформулировать определение языка, указать на его основные функции.

«Язык состоит из слов, находящихся в различных отношениях между собой.

Словами являются звуки речи, имеющие значения, т. е. звуки речи, как знаки познаваемых фактов» (Фортунов 1886/7:1).

В двух фразах сказано о субстанции языка и отношениях языковых единиц, о семантике звуков речи, о знаковости языка, о связи языковых знаков с предметами, о познаваемости вещей, фактов. Сущность языка раскрывается в специальном определении:

«Язык есть комплекс членораздельных и знаменательных звуков и созвучий, соединенных в одно целое чутьем известного народа чувствующих и бессознательно обобщающих единиц) и подходящих под ту же категорию, под то же видовое понятие на

всем языка» (Бодуэн де Куртенэ 1871: 37).

Эти определения так или иначе раскрывают наиболее общие и наиболее существенные свойства языка, которые подлежат всестороннему и глубокому исследованию. В то же время неодинаковые основания, на которые опираются разные авторы, свидетельствуют о том, что трудности адекватного определения языка .возникают из-за его - **разноплановости**.. На эту особенность языка указал Ф. де Соссюр и предложил выход:

«Надо с самого начала встать на почву языка и считать его основанием (попте) для всех прочих проявлений речевой деятельности» (1977: 47). Темне менее это не позволило ему дать краткую дефиницию языка, он перечисляет характеристики разных его сторон: язык и «система знаков, в которой единственно существенным является соединение смысла и акустического образа», и «суть реальности, локализующиеся в мозгу», и «сокровищница акустических образов» и др. (там же: 53).

В указанном направлении продолжается упорная работа и в настоящее время.

В. М. Солнцев отмечает: «Определение языка имеет существенное значение для построения теории языка. В нем фиксируется то или иное онтологическое представление о языке, которое во многом определяет понимание объекта науки и методы изучения этого объекта» (1977: 11).

По его мнению, «язык как исключительно сложное образование может быть определен с разных точек зрения в зависимости от того, какая сторона или

стороны языка выделяются». Рассмотрев язык с точки зрения его функции — язык есть средство общения людей, с точки зрения его устройства — язык есть набор некоторых единиц и правил использования этих единиц, — а также с других точек зрения, В. М. Солнцев делает вывод, что «в едином определении вряд ли можно дать достаточно полную характеристику языка», и потому считает «целесообразным опираться на максимально общее определение, конкретизируя его по мере надобности теми или иными специальными характеристиками»

(там же: 11 —12).

Эти характеристики проходят через всю его книгу, например:

«Язык — это совокупность правил, по которым делаются предложения, и множество наделенных смыслом, или значением, единиц, которые используются в соответствии с правилами.

Язык есть система..., — это своего рода «кладовая», где сложены (не в прямом смысле, конечно) правила и элементы (или единицы)» (там же: 66).

Приведенные нами дефиниции были выработаны разными учеными за длительный период истории и дают в совокупности наиболее существенные характеристики языка. Поэтому задача в настоящее время состоит в первую очередь в том, чтобы из всего этого ценнейшего теоретического багажа отобрать те компоненты, которые представляют собой объективное толкование основных категорий языка («вещей», свойств, отношений) и совокупно позволяют выработать определение, адекватное объекту науки. Разумеется, сказанное не исключает возможности обнаружить

новые стороны языка или видеть какую-либо сторону под новым углом зрения.

2. РЕЧЬ, ЯЗЫК, ЯЗЫКОВАЯ ПАМЯТЬ

Основой наших суждений об объекте лингвистики являются высказывания К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина о языке. «На «духе» с самого начала лежит проклятие — быть «отягощенным» материей, которая выступает здесь в виде движущихся слоев воздуха, звуков — словом, в виде языка.

Язык так же древен, как и сознание; язык *есть* практическое, существующее и для других людей и лишь тем самым существующее также и для меня самого, действительное сознание, и, подобно сознанию, язык возникает лишь из потребности, из настоящей необходимости общения с другими людьми»¹;

«Язык есть непосредственная действительность мысли»²;

«Язык есть важнейшее средство человеческого общения»³;

«Всякое слово (речь) уже *обобщает*».

Мы понимаем эти высказывания следующим образом: язык — это звуковая речь («выступает здесь в виде движущихся слоев воздуха, звуков»); язык представляет собой форму;/ материально-идеальной-репрезентации создания («язык *есть* практическое... действительное сознание»); язык возникает в силу общественной необходимости («язык возникает лишь из потребности... общения с другими людьми»); язык и сознание исторически и социально взаимосвязаны

(«язык так же древен, как и сознание», «подобно сознанию, язык возникает лишь из потребности...») и потому язык, подобно сознанию, есть **отражательная категория (?)** ибо «сознание (das Bewusstsein) никогда не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием (das bewusste Sein), а бытие людей есть реальный процесс их жизни»⁵; быть важнейшим средством общения людей — это конститутивное качество естественного языка; слову свойственно выражение обобщенного знания, глубокого отражения действительности, проникновения в ее сущность:

«Значение *общего* противоречиво: оно мертво, оно нечисто, неполно etc. etc., но оно только и есть *ступень* к познанию *конкретного*, ибо мы никогда не познаем конкретного полностью. *Бесконечная*, сумма общих понятий, законов etc. дает *конкретное* в его полноте»⁶.

Со времени появления «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра прочно утвердилось разделение объекта исследования в лингвистике на язык и речь, в то же время «противопоставление языка и речи соссюровского наследия» (Мыркин 1970: 102).

Так, одни лингвисты утверждают:

«В каких бы формах мы ни представляли двойственность объекта лингвистики, совершенно очевидно, что мы имеем дело с двумя разными явлениями — как бы они ни были тесно связаны и в каких бы отношениях они ни находились»

(Звегинцев 1976: П).

Другие приходят к противоположному выводу:

«Язык и речь — не разные явления, а разные стороны одного явления. Все лингвистические единицы являются единицами языка и речи: одной стороной они обращены к языку, другой — к речи» (Ломтев 1976: 60).

В этом высказывании четко выражена мысль, что, речь и язык сосуществуют в одном явлении и, следовательно, все «рече-языковые» единицы есть единицы и речи, и языка.

Возникает, однако, вопрос: где локализуется «искмое» явление — «речь-язык»? Для ответа на него вспомним о материи, которая «выступает здесь в виде движущихся слоев воздуха, звуков — словом, в виде языка», т. е. «духа» (идеального), «отягощенного» звуками (материальным) и потому ..находящегося вне мозга. Логично сделать вывод, что это единство идеального и материального и составляет объект лингвистики — «речь-язык», реально существующее (регулярно продуцируемое) явление, которое фактически и исследуется лингвистами всех времен и поколений (вопреки мнению, что исследуется язык, локализованный в головах людей). Иными словами, объективной реальностью являются речевые акты, т. с. «рече-языковая» действительность, которая фактически и используется людьми как важнейшее средство общения, а совокупность речевых актов (за исключением специфических особенностей речи тех или иных индивидов, см. Общее языкознание 1970: 89) — это и **есть** язык.

Разумеется, такой язык нельзя обнаружить в качестве средства общения в каком-то определенном месте, в

какой-то определенный момент как реально существующий объект: его особенность заключается в том, что он существует в совокупности непрерывно продуцируемых актов речи. Отсюда и сложность его описания как в смысле охвата всей этой совокупности, представляющей неисчислимое количество единиц и фигур, так и в смысле установления границ между синхронией и диахронией. Но сложность создания адекватной науки о языке, разумеется, никоим образом не должна влиять на результаты осмысления объективной реальности языка: язык и речь — это. в нашем понимании, разные состояния одного и того же явления.

Но как в таком случае быть с «языком», который, по общему мнению, интериоризован в головах его носителей? Вот что, например, пишет В. З. Панфилов:

«Языковая единица (типа слова) вне акта коммуникации или внутренней речи локализуется в мозгу как следы в памяти человека в нейронах и нейронных связях головного мозга, в которых кодируется ее идеальная сторона... и ее материальная сторона..., а также слуховой образ, звучащего слова» (1977: 91).

Мы ставим под сомнение, что «следы» в памяти человека, содержащие «коды» идеальной стороны, речи и слухового образа звучащего слова, есть язык — средство, общения. Если мы обсуждаем один и тот же объект (язык как явление, которое служит важнейшим средством человеческого общения), то «следы» в мозгу неправомерно считать таким языком, ибо непосредственно при помощи этих «следов» общаться невозможно. По нашему мнению, «отпечатки» слов, а также «отпечатки»

всех других единиц и фигур речи, локализующиеся в мозгу, пребывают там в редуцированном, компрессированном виде и служат не средством общения а базой систематического (вос)производства речи.

Соответственно их следует рассматривать именно как таковые и не иначе: это не язык, а неким образом упорядоченное множество усвоенных человеком редуцированных и компрессированных единиц- и фигур речи.

Для экспликации нашего понимания определителей «редуцированный», «компрессированный» отметим, что единичные фигуры речи современных языков способны отображать чрезвычайно большое количество самых разнообразных экстралингвистических отношений. Например, кто-либо может купить книгу, построить дом, посадить дерево и т. д., но все эти тысячи самых разнообразных действий по отношению к сотням тысяч разных предметов могут быть выражены одним языковым способом — грамматическим отношением подлежащего со сказуемым к прямому дополнению: мальчик купил книгу, бригада построила дом, старик посадил дерево и т. д. и т. п. Соответственно в мозгу, возможно, интериоризован «след» типа: некто совершил нечто, причем этот «след» как бы извлекается из памяти, «заполняется» также «извлечен и иными» из памяти «следами» единиц речи и передается в «рекомпрессированном» виде партнеру по общению в звуковой «упаковке».

Предвидим возражения: как же, сохраняется связь языка с мышлением, если... он существует вне голов его носителей?

Может ли язык в такой форме существования выполнять **отражательную функцию?**

Конечно, язык, находясь вне мозга его носителей, «неуловим» во времени и пространстве. Такое его состояние весьма трудно представить и тем более признать объективной реальностью. Проще придерживаться тезиса, что язык компактно локализован в мозгу, и придавать ему такой облик, который представляется истинным в рамках той или иной лингвистической концепции. Такие концепции представляются более правдоподобными, ибо тот факт, что язык — порождение человека, сомнений не вызывает, но они в той или иной мере произвольны, ибо кто может проникнуть в языковые тайны мозга? Мы полагаем, что «язык», каким его принято считать, то есть состоящим из слов, словосочетаний, предложений, сверхфразовых единств, вряд ли существует в мозгу. Нет в головах людей слов, например, стол, писать со всеми их грамматическими парадигмами типа стола, столе, столу и т.д., писать пишу, **пишешь** и т. д., со всеми их особенностями в той или иной., дистрибуции, в той или иной фразовой позиции, со всеми их значениями атрибутивными, номи-
нативными, пейоративными, экзистенциональными и другими признаками, выявленными наукой.

В головах людей есть редуцированные, компрессированные «следы» этих единиц и «следы» типизированных схем возможных в речи фонетических, лексических, грамматических и других парадигм плюс способность мозга «вызывать» из памяти эти «следы» и образовывать с помощью речевого аппарата соответствующие единицы и фигуры речи. Подобные высказывания находим и в литературе:

«Мы храним не сам чувственно осязаемый материальный знак, а храним в своей памяти обобщенный идеальный образ этого знака, а также умение и навык внужный момент «сделать» этот знак. иначе говоря, мы храним не сами реальные знаки, а их абстрактную форму, знание о них (Солнцев. 1,977а: 17].

В то же время огромное количество единиц и фигур речи зафиксировано вообще «в стороне» от мозга носителей языка в виде мертвых «слепков» письменности и звукозаписи. Но именно эти «слепки», находящиеся вне мозга и имеющие иную физическую субстанцию, нежели звуки живой речи, могут служить (и служат) одним из главных предметов изучения лингвистов, 'исследующих природу языка. Постоянно обогащаясь вследствие необходимости обслуживать сферу общения в условиях интенсивного развития общественной жизни, науки и техники, особенно в течение последнего тысячелетия, естественные языки разрослись до необъятных размеров и имеют такое огромное число единиц и фигур речи, что

таже все носители языка в совокупности не в состоянии хранить в памяти все это множество, и зачастую людям удается вспомнить многие (единицы и фигуры речи лишь с помощью этих мертвых «слепков», «рисунков» речи, хранящихся в виде письменных памятников (словарей, справочников, научной, деловой, художественной и др. литературы), записей звучащей речи на магнитных лентах, звуковидеозаписей на кинолентах и т. п. Из этих же источников в большом объеме черпает языковой материал теоретическое языкознание, лексикография и т. д. Для подтверждения наших суждений приведем следующее высказывание:

«Социальная память—это... процесс фиксации..., систематизации и хранения (вне индивидуальных человеческих голов) теоретически обобщенного коллективного опыта человечества... Хранящиеся в книгах и других средствах социальной памяти сведения тем или иным путем выдаются для «переписывания» в память индивидов и, следовательно, для использования людьми в их разнообразной деятельности» (Ребрин 1974: 44—45).

Изложенное снимает вопрос о том, сохраняется ли связь мышления с языком, существующим вне мозга его носителей. Во взаимосвязи с мышлением находится каждый отдельный фрагмент языка — однократные речевые акты, в процессе создания которых взаимодействуют «следы» памяти и работа мысли, ср.

«Язык, мышление и действие развиваются в сложной взаимосвязи... Отношение., мысли, к слову не вещь, а процесс, непрекращающееся движение от мысли к слову и от слова к мысли» (Стоунс 1984: 109).

В итоге это взаимодействие порождает язык в целом. Анализируя выборку актов речи той или иной длины, лингвисты строят научную абстракцию, более или менее тождественную объекту изучения, описывают в этой абстракции все его субстанции, свойства, отношения и опосредования, в том числе характер взаимодействия мысли с единицами и фигурами речи. Это также подтверждает, что никакого отрыва языка от мышления не происходит: язык лишь "оставляется» в рамках данной концепции на своем месте, там, где он на самом деле есть и был, ср.:

«Нельзя забывать того, что, занимаясь «языком», мы лишь обобщаем частные случаи «речи», которые только и даны в опыте» (Щерба 1974: 58).

Соответственно снимается, на наш взгляд, и вопрос о том, что, не имея связи с мышлением, язык не может выполнять отражательную функцию. Правда, здесь мы имеем дело с энтимемой — наличие отражательной функции языка и его связи с объективным миром тоже требует доказательства. Вопрос об отражательной функции языка рассматривается в третьей главе, сейчас лишь отметим, что «язык представляет собой не процесс отражения, а процесс формирования и выражения отражательного процесса, каким является мышление» (Трофимов 1975: 136).

Формирование и выражение отражательного процесса осуществляется языком и совокупностью всех актов речи равным образом, это есть свойство всех «рече-языковых» явлений.

Наконец, могут задать еще один вопрос: каким путем возможно исследование самого процесса непрерывного воспроизводства и развития (а также первичного создания — возникновения) естественного языка, в особенности идеальной стороны языка, если он представляет собой совокупность непрерывно производимых в данном сообществе речевых актов, «неуловимых» в пространстве и времени? Разумеется, для этого исследователи должны (иного пути просто нет) обращаться к процессам, происходящим в мозгу носителей языка, ибо тот факт, что люди создают (воссоздают) и используют язык в качестве важнейшего средства человеческого общения при помощи мозга (см. 2-ю главу), представляется бесспорным. Но в таком случае речь идет уже не о проблеме определения языка, не о выявлении сущности его реального бытия как средства общения, а об изучении взаимосвязи и взаимозависимости между языком и мышлением. Разрабатываемое нами направление уже имело аналог

в науке, но не получило признания, поскольку постоянно подвергалось критике на уровне устоявшихся стереотипов лингвистического мышления:

«В последний период в советском языкознании язык и речь начинают трактовать как проявление диалектических категорий соответственно общего и отдельного, так как язык якобы существует лишь в речи и через речь... Язык как система закодирован в мозгу человека и, следовательно, в этой форме существует вне речи, вне речевых произведений. По-видимому, по той же причине было бы неправильно определять соотношение языка и речи как сущности и явления... Сущность не имеет особого от явления бытия, а язык, как уже говорилось, существует и вне

речи. К тому же речь, в отличие от языка, имеет свои особые сущностные характеристики. Достаточно сказать, что конкретное содержание речевых

произведений... не есть механическая ' сумма значений языковых единиц...» (Панфилов 1979: 9).

Можно согласиться, что язык закодирован в мозгу человека и что в этой форме он сосуществует вне речи. Но является ли закодированная форма языка тем языком, который служит средством общения? В предыдущем изложении мы пытались показать, что такая форма языка — не средство общения, а языковая память, средство, которое совокупно с работой мысли и органов речи создает язык. Иными словами, языковая память по отношению к языку общения — это, так сказать, «средство средства»⁷.

⁷ Всякий акт речи — это явление языка. Беспреданно появляющиеся новации далеко не все воспроизводятся, но каждая, хоть раз появившись в речи, становится фактом языка. Новации, как и любое

языковое явление, различаются продолжительностью «жизни»: одна возникает и исчезает сразу, другая закрепляется в языке и не исчезает даже через тысячу лет. Лингвисты обычно считают фактами языка лишь те новации, которые закрепляются в нем и получают широкое распространение. Однако такая редукция языка не отражает реального способа его существования, непрерывного движения (возникновения и исчезновения) языковой «материи». Наши оппоненты могут выдвинуть возражения: допустимо ли считать языком бесчисленные окказионализмы речи поэтической (В. В. Хлебников, В. В. Маяковский, Е. А. Евтушенко, например, танцы-ишанцы), детской (улицонер), интерферированной и проч.? Более того — речевые ошибки, оговорки, опiski — тоже язык? Но это — тема специального разговора. Здесь лишь отметим, что танцы-шманцы и проч. — это потенции данного (русского) языка, в другом языке они не могут быть осознанно восприняты, и потому это принадлежность данного языка, если адресат понимает значение таких (как и любых) новаций.

Может ли язык, не обладающий речевыми произведениями с немеханической суммой значений своих единиц, быть средством общения? Вряд ли, ибо он должен быть вначале подвергнут трансформации, которая позволила бы сформулировать единицы общения, содержащие связное, логически последовательное и т. д. содержание, которое может быть понятным адресату. В результате мы вновь возвращаемся к мысли, что закодированный в мозгу язык — это языковая память: способность нервной системы человека к восприятию и длительному хранению компрессированных, типизированных «следов» речевых единиц и фигур и многократному

воспроизведению и вводу их в сферу сознания и поведения.

Конечно, в мозгу человека содержится самое главное из того, что необходимо для возникновения и функционирования языка, для его продуцирования и восприятия,— языковая память, языковая потенция, языковая способность. Но это главное — не сам язык, а те компоненты, с помощью которых язык образуется⁸, располагающиеся даже в пределах мозга, возможно, в разных позициях. Так, правое полушарие обладает способностью «целостно, в комплексе воспринимать предметы и явления, с одновременной и даже мгновенной обработкой многих, если не всех их параметров... Левополушарное мышление... из всех бесчисленных связей между предметами и явлениями... активно выбирает только некоторые, наиболее существенные для данной конкретной задачи..., уменьшает энтропию... и организует информацию в некую систему» (Ротенберг, 1984: 55—56).

Эти сведения дают основание полагать, что компоненты речевой потенции, локализованные дискретно в разных участках головного мозга, не могут представить собой готовой языковой системы.

«Система языка с его категориями (т. е. язык), создаваемая на основе бесконечного числа актов речи членов человеческого общества» (Юдакин 1981: 229), воспроизводится, изменяется, существует в самом процессе продуцирования этого неисчислимого множества актов, речи; в самом функционировании этих актов заключается непрерывное/прерывное бытие языка, ср.:

«Идеальное ни в коем случае не сводимо к состоянию той материи, которая находится под черепной крышкой индивида, т. е. мозга. Оно есть *особая функция человека как субъекта общественно-трудовой деятельности*, совершающейся в формах, созданных предшествующим развитием» (Ильенков, 1984: 168).

(Наряду с указанными «следами» речевых единиц и фигур человек в каждый данный момент способен порождать новации, окказионализмы и т. д., возможные в рамках закономерностей данного языка. Эти новации и т. д. также представляют собой компоненты данного языка, даже они не кодируются в мозгу, не сохраняются в языковой памяти.)

3. ЧТО ЕСТЬ «ПРАКТИЧЕСКОЕ..., ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ»?

Сформулировав вывод о том, что язык не локализуется в мозгу человека, что язык—это совокупность актов речи, мы ссылались на известное положение К. Маркса и Ф. Энгельса, что язык выступает «в виде движущихся слоев воздуха, звуков». Однако существует точка зрения, согласно которой следовало бы внести коррекцию в указанное положение: «Понимая под словом «язык» движущиеся слои воздуха, т. е. речь, коммуникацию, К. Маркс и Ф. Энгельс подчеркивали, что действительность сознания имеет место именно в общении людей» (Якушин 1984: 67). Иными словами, по мнению Б. В. Якушина, К. Маркс и Ф. Энгельс говорили не о «языке» как практическом сознании, а о «речи», о «коммуникации», и, следовательно, существует и для других людей и лишь тем самым и для меня самого, с

его точки зрения, именно речь, а не язык, поскольку Sprache во времена К. Маркса и Ф. Энгельса означало и «язык», и «речь», а лингвистическое противопоставление языка и речи было сформулировано после того, как была написана «Немецкая идеология».

Надо признать, что аргументы Б. В. Якушина кажутся весьма убедительными. Действительно, четкое разграничение между языком и речью было проведено позднее и потому можно было бы допустить, что термин «Sprache» К. Маркс и Ф. Энгельс употребляли в значении «речь». Однако в начале XIX века уже разграничивали термины «язык» и «речь» и существовали соответствующие термины, например, в немецком языке «Sprache» и «Rede», ср.: «...Einer solchen Auffassung stand offenbar auch 'G. W. F. Hegel nahe, wenn bei ihm «die Rede, und ihr System, die

Sprache» gegenubergestellt werden» (Neumann 1981: 550). (Близок к такой точке зрения был, по-видимому, и Г. В. Ф. Гегель, ибо у него проти-
вопоставляются «речь и ее система, язык»).

Поэтому столь же убедительной может оказаться аргументация в пользу того, что К- Маркс и Ф. Энгельс под словом Sprache имели в виду именно «язык», а не «речь».

Дело, конечно, не в той или иной терминологии, а в том, какая субстанция выполняет функции формирования, передачи, восприятия и т. д. мыслей и эмоций, есть «непосредственная действительность мысли». У К. Маркса и Ф. Энгельса это движущиеся слои воздуха, звуков, — здесь, надо полагать, все однозначно. У Ф. де Соссюра эти функции выполняет «клад, практикой речи отлагаемый во всех, кто принадлежит к одному общественному коллективу,

это грамматическая система, виртуально существующая у каждого в мозгу...» (1977: 52).

В первом случае мы имеем конкретный, реально существующий язык, находящийся в действии, выполняющий свои функции; во втором случае — «виртуально» существующий язык, находящийся в покое, лишь потенциально способный выполнять эти функции. В первом случае мы имеем нечто реально воспринимаемое, которое можно изучать, описывать, исследовать, классифицировать и т. д. Во втором — нечто, о котором можно лишь предполагать, строить гипотезы и т. д. Но реально существует, по нашему разумению, речь — акты общения при помощи членораздельных звуков (+вторичная форма речи — письмо). Реально существует язык — совокупность **всех** речевых актов общения.

В попытке перевести лингвистику с исследования «виртуальных» и неопределенных языковых «туманностей» на рельсы исследования реальных явлений и сущностей мы не одиноки: «Под языком мы понимаем возникшую в соответствии с потребностями общественной жизни, в особенности производственной деятельности, и постоянно" развивающуюся систему акустически и оптически воспринимаемых знаков, которая служит формированию мыслей, мышления в процессе познания людьми объективной реальности и взаимного обмена мыслями и эмоцияМJJ, а также даст возможность фиксации и хранения обретенных знаний» (Jung 1982: 13). Как видим, здесь язык это система акустически или оптически воспринимаемых знаков, т. е. то, что находится за пределами человеческого мозга. Именно на эти языковые данности лингвистам следует ориентироваться; в практической деятельности они так и поступают (хотя многие из них, вопреки собственной практике, утверждают,

что изучают язык, обретающийся в мозгу). Изучая звуковую и письменную речь, лингвистика освободится от гипотетических построений, касающихся языкового содержания «черного ящика» (эта область исследований будет находиться в ведении ученых, изучающих языковую память, языковую способность, языковые потенции и т. д.), и будет при изучении своего предмета исследовать то, что поддается объективному анализу, — язык как совокупность речевых **актов** данного сообщества.

I. ЯЗЫК – ЭТО ФОРМА.

Возникает два вопроса: 1) Форма чего?

Традиционный ответ: Язык – это форма мысли.

2) Если мысль имеет языковую форму, означает ли это, что язык как форма не имеет собственного содержания?

Здесь возможны только два пути интерпретации:

1. СОДЕРЖАНИЕМ ФОРМЫ ЯЗЫКА ЯВЛЯЕТСЯ МЫСЛЬ. Если допустить, что язык – форма мысли, значит признать, что содержанием этой формы является сама мысль. В таком случае у языка нет собственного содержания, а есть только мыслительное содержание. Исходя из данных допущений, традиционно выделяемые языковые значения, или содержание слов и выражений языка – это мыслительные понятия.

Вывод: если язык – форма мысли, значит значение – содержание мысли. Однако такой вывод предполагает тождество или полное совпадение мыслительной категории (ПОНЯТИЯ) и языковой категории (ЗНАЧЕНИЯ), с чем

вряд ли можно согласиться не только по теоретическим позициям.

Известно, что языки отличаются друг от друга не только по звучанию, но и по составу значений, т.е. по семантике. Однако совсем неоправданно из различия языков выводить различия в мышлении народов. В противном случае следует отказаться от тезиса о единстве мышления у всех народов, говорящих на разных языках.

Здесь следует уточнить некоторые исходные, базовые положения.

- Языки отличаются по звуковому составу слов.

- Языки отличаются друг от друга по закреплённости семантических комплексов за звуковыми комплексами. Единство звукового комплекса (совокупности взаимосвязанных звуков или фонем) и семантического комплекса (совокупности взаимосвязанных мельчайших смыслов) – это и есть слово.

- Значение слова нельзя рассматривать в разрыве от звуковой оболочки слова (акустического образа). Значение не свободно. Оно прочно привязано к определенной форме слова. Разные слова могут иметь аналогичные значения, но никогда не имеют одного и того же значения.

2.ФОРМА ЯЗЫКА – НЕ ПУСТАЯ ОБОЛОЧКА. ОНА ОБЛАДАЕТ СОБСТВЕННЫМ ЯЗЫКОВЫМ СОДЕРЖАНИЕМ.

Если допустить все же, что у языка есть собственное содержание в виде семантического потенциала (совокупности языковых значений и категорий), то мы будем вынуждены констатировать, что язык связан с мыслью (понятийным содержанием) посредством

собственного языкового содержания. Тогда акт обозначения мысли с помощью языка – это взаимодействие языкового значения и мыслительного понятия.

Здесь можно допустить что мыслительное содержание также имеет свою внутреннюю (идеальную) форму организации – структуру и ее содержательное (контенсиональное) наполнение. Таким образом, между словом и понятием могут существовать или могут сформироваться различные связи: (а)формальные межструктурные, (б)формально-содержательные, (в) семантико-содержательные. Данное концептуальное направление отвергает вывод о различиях в человеческом мышлении.

Отсюда следует вывод:

- Различия языков создаются за счет различных путей формирования языковых значений и различий соотношения языковых единиц (слов, словосочетаний и предложений) с мыслительными понятиями.

- Следует различать СОЗНАНИЕ и МЫШЛЕНИЕ. Сознание – это самоорганизующаяся система понятий как образов действительности (в которую включается, кстати, и сам человек). Мышление – это сознание в действии, в динамике.

- Следует различать ЯЗЫК и РЕЧЬ. Язык это особая, более или менее самостоятельная система или организация языковых средств (единиц, категорий). Речь это функционирование языка или язык в динамике.

- Следует отличать КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ от ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ.

Концептуальное сознание едино для всех народов. Это инвариантное (общечеловеческое) видение мира, ведущее к взаимопониманию и позволяющее осуществлять единую деятельность.

Языковое сознание – это национально-специфический аналог концептуального сознания. Это особым образом организованная форма мысли.

В свою очередь необходимо различать ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ и РЕЧЕВОЕ МЫШЛЕНИЕ. Последнее как раз и является результатом взаимодействия концептуального и языкового сознания.

II. ЯЗЫК – ЭТО СРЕДСТВО ПЕРЕДАЧИ МЫСЛЕЙ, ИЛИ ОБМЕНА МЫСЛЯМИ.

Данное положение часто принимается «на веру», хотя является одной из многих «лингвистических мифологем». Один из известных советских лингвистов Вадим Михайлович Солнцев считает это заблуждением и пишет по этому поводу следующее:

"Мысль - явление идеальное, психическое. Она есть функция мозга и существует в неразрывной связи с порождающим ее материальным органом-мозгом. Мысль невозможно отделить от мыслящего мозга, поместить в некую звуковую "упаковку" или "оболочку" и унести прочь от мыслящего человека" (Солнцев, 1991:58).

"Утверждение о том, что мысли не могут существовать вне "природной языковой материи", вовсе не так уж безобидно. Оно отвергает существование так называемого невербального мышления, т.е. мышления, протекающего в мозгу человека, в условиях, когда органы речи человека

бездействуют или заняты производством слов, никак не связанных с тем, о чем думает человек (невербальное мышление имеет место, когда человек думает одно, а говорит другое, когда человек поет (органы речи заняты) и в это время обдумывает что-либо и т.д. и т.п.) (Солнцев, 1991:58).

Отмечается, что об этом писал еще философ нашего времени Спиркин А.Г.: "Выражение "люди обмениваются мыслями" абсурдно понимать буквально. С помощью слов мы не передаем, а вызываем аналогичные мысли в голове воспринимающего" (Солнцев, 1991:59).

III. ЯЗЫК ОТРАЖАЕТ ВНЕШНИЙ МИР*.

Данное положение следует также считать лингвистической мифологемой. Приписывать языку отражательную функцию – это большое заблуждение. Против этого впервые громко заявил философ Л.Витгенштейн, ср. **«Язык вообще не отражает действительность»** (цит. По Панфилов, 1977:26).

Рассматривая данный миф, Солнцев В.М. указывает на то, что язык является материальной звуковой системой, а если звуки есть неживая материя, то язык ничего отражать не может. Только мыслящий мозг способен отражать явления внешнего мира. Отражаясь в мозгу, явления внешнего мира преобразуются в понятия, при помощи которых формируются такие формы мысли как суждения, умозаключения и др. Таким образом, "мир отражается мыслящим мозгом, язык не отражает мир, он участвует в отражении мира и закрепляет в своих значениях результаты отображения мира. Можно также

сказать, что **язык не отражает мир, а выражает знания о мире**" (Солнцев, 1991:63).

IV. ЯЗЫК – СИСТЕМА.

Такое понимание языка восходит, как известно, к швейцарскому лингвисту Фердинанду де Соссюру. Однако Соссюр понимал под языком замкнутую (имманентную) систему языковых знаков, или структуру, развивающуюся по своим законам, которые не следует смешивать со строгими логическими системами.

Внутренняя целостность и единство языка определяется, в соответствии с учением Соссюра, главным образом, внутриязыковыми отношениям. Это отношения между языковыми знаками, или словами языка. Они имеют ассоциативную природу – ассоциируются **«по вертикали»** или **«по горизонтали»**.

Вертикальные отношения это **парадигматические** смысловые связи слов по принадлежности к единому понятию, по сходству и контрасту значений, по аналогии формальных структур и т.п. на уровне языковой системы. Значение слова определяется в пределах данных отношений и классов слов, которые впоследствии были названы **словесными полями**.

Горизонтальные отношения – это **синтагматические** отношения, или линейные связи слов на уровне речи, т.е. на уровне функционирования системы языка в коммуникативном акте. Значение слова актуализируется в конкретных линейных межсловных связях, в словосочетании и предложении.

Не акцентируя понятие «значение языковых знаков», Соссюр вводит новое понятие – **«значимость языковых знаков»**. Язык выступает как система только благодаря этим значимостям, которые выводятся из соотношения языковых знаков.

В парадигматическом плане значимость языкового знака выявляется из множества его ассоциативных отношений с другими знаками языка. Для объяснения этого феномена Соссюр привлекает шахматную аналогию. Если представить, что шахматные фигуры – это языковые знаки, то в результате **сравнения** фигур, или языковых знаков, между собой мы можем определить значимость каждой фигуры, т.е. каждого слова, в системе шахматной игры, или языковой системе. По-видимому, это будет значимость статического, или парадигматического порядка. Ср. если мы сопоставляем слово *бежать* со словом *идти*, мы устанавливаем его значимый признак «быстро», если же мы сравниваем слово *бежать* с другими словами парадигматического поля, например, со словами *мчаться*, *нестись*, мы устанавливаем у слова *бежать* иную значимость – «относительно быстро».

Значимость динамического синтагматического порядка проявляется у фигур-знаков в ходе игры-речи. Она строго регламентирована правилами игры, или взаимодействия. Однако в ходе игры на шахматной доске, или в речевой цепи, фигура-знак меняет свою значимость в зависимости от **позиции** на доске или в предложении. Синтагматическую значимость слова попытаемся продемонстрировать на следующих примерах: (1)Учитель объясняет новый материал. (2)Учителя укусила собака. В первом предложении значимость слова учитель можно определить как «субъект, носитель действия», во втором – как «объект действия».

Иначе говоря, под значимостью слова можно понять его синтаксическую нагрузку. Однако под значимость можно подвести и те смыслы или признаки, которые слово получает в конкретной речевой ситуации, в определенном контексте, ср. *Дом* был полностью разрушен и *Дом* был разбужен громкой музыкой, где в первом случае значимым становится признак «строение», а во втором – «жильцы дома». Впрочем, шахматная аналогия Соссюра не помогает четко разделить значение и значимость словесного знака.
